

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ВЛИЯНИЕ ДИНАМИКИ ЭКСПОРТА НА УРОВЕНЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ

В.Г. Иванов

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается механизм и закономерности влияния динамики внешнеэкономических параметров страны на уровень стабильности политического режима. Автор полагает, что наиболее валидным экономическим индикатором и предиктором нестабильности является объем экспорта. Экспорт имеет такое социально-политическое значение не только как мотор «экономики», но и как важный фактор внешнеэкономической устойчивости страны. Анализ выявленной закономерности производится на основе трех временных периодов новейшей истории России, два из которых завершились масштабными социальными и политическими потрясениями: 1) 1905—1917 гг.; 2) 1985—1991 гг. и 3) современного периода: 1991—2012 гг.

Ключевые слова: политическая стабильность, политический режим, экспорт, политическая история России.

В представленной статье отстаивается гипотеза об эвристической оправданности выделения объема экспорта страны в качестве одного из ключевых экономических индикаторов и предикторов стабильности политического режима.

Нашей целью является определить взаимное влияние этих двух переменных, а также предложить оценку типа и уровня воздействия, которое данная взаимосвязь оказывала на ряд стран (и в первую очередь на Россию) в разные исторические периоды.

Обращает на себя внимание эмпирически выявленная тенденция: периоды снижения уровня стабильности и политических потрясений часто накладываются на периоды внешнеэкономических затруднений государств и национальных экономик, обусловленные снижением объема экспорта, ростом объема выплат по внешнему долгу и пр.

Мы полагаем, что динамика экспорта оказывает сильнейшее влияние на уровень политической стабильности, являясь важным и легко квантифицируемым предиктором политических потрясений. Снижение его объема является важным фактором потенциальной нестабильности, в то время как рост экспорта способен

оказывать стабилизирующее воздействие даже в том случае, когда позиции правящего режима не являются прочными.

Как будет показано, эта закономерность особенно характерна для нашей страны, причем в разные исторические периоды.

Формат статьи не позволяет рассмотреть данный феномен на примере значительной выборки стран, поэтому основное внимание уделяется анализу ситуации в России на протяжении трех временных периодов, два из которых закончились самыми масштабными политическими потрясениями в новейшей истории страны:

- 1) 1905—1917 гг.; в этот период в стране произошли три революции, что привело к полной замене правящего режима;
- 2) период 1985—1991 гг., закончившийся развалом СССР и тотальной реконструкцией политической системы;
- 3) современный период: 1991—2012 гг.

Мы полагаем, что в первых двух кейсах сокращение экспорта и, соответственно, финансовой устойчивости являлись важнейшим катализатором политической нестабильности и, по сути, загнали страну в тупик, из которого она не смогла выйти эволюционным путем.

Что касается последнего кейса, он иллюстрирует обратную тенденцию: резкий рост экспортных поступлений в 2000-х гг. позволил зацементировать политический режим, считавшийся неустойчивым в 1990-е гг.

Следует оговориться, что под политической стабильностью подразумевается в первую очередь стабильность политического режима. Здесь мы опираемся на распространенное определение бывшего директора Института Всемирного Банка Д. Кауфмана, согласно которому уровень политической стабильности определяется «вероятностью того, что правительство, находящееся у власти, может быть дестабилизировано или свергнуто возможными неконституционными и/или насильственными мерами, включая политически мотивированное насилие и терроризм» (См.: [13]).

Оценивая потенциал влияния динамики экспорта на уровень политической стабильности, следовало бы ограничить его рамками краткосрочной (один полный год) и среднесрочной (один полный электоральный цикл) перспективы.

К прогнозируемому потенциалу предлагаемой гипотезы мы вынуждены относиться осторожно, следует отметить, что она в меньшей степени применима для анализа долгосрочной перспективы, так как на этом уровне возрастает количество факторов, оказывающих влияние на уровень политической стабильности, и удельный вес выбранных факторов имеет тенденцию неуклонно сокращаться. В долгосрочной перспективе на первое место могут выходить иные экономические факторы.

Мы полагаем, что динамика внешней торговли (особенно экспорта) в силу ряда факторов является более надежным и информативным индикатором и предиктором политической стабильности (в кратко- и среднесрочной перспективе), чем общая динамика экономического роста/ВВП.

Во-первых, на основе «закона Токвиля» и спектра теорий «относительной депривации» можно сделать вывод о принципиальной ограниченности прогностиче-

ских и интерпретативных возможностей экономических индикаторов (в первую очередь, динамики экономического роста/ВВП) для анализа политической стабильности вследствие их амбивалентного влияния на политические и общественные процессы.

Действительно, если проанализировать экономическую статистику 2010—2011 гг. ряда арабских стран (например, Ливии, Египта и др.), то мы увидим, что революционным событиям не предшествовало значительное снижение темпов роста ВВП.

Во многом поэтому следовавшие волны нестабильности стали полной неожиданностью для правящих режимов и международного экспертного сообщества.

Почему же мы предлагаем использовать не ВВП, а объем экспорта в качестве основного параметра анализа и прогнозирования уровня политической стабильности? Ведь в ряде стран экспорт может занимать лишь небольшую долю в ВВП.

Представляется очевидным, что показатели экономического роста и динамики экспорта часто примерно соответствуют друг другу, идут рука об руку, в этом случае они одинаково информативны и иллюстрируют схожие процессы и тенденции.

В тех же случаях, когда значения этих двух индикаторов (как и возможные политические прогнозы и выводы, которые можно сделать на их основе) существенно расходятся, мы склонны больше доверять именно показателям и трендам объема экспорта. Обоснуем такой вывод на примере нашей страны. Так, на рис. 1 и 5 представлены временные диаграммы изменения российского ВВП и экспорта.

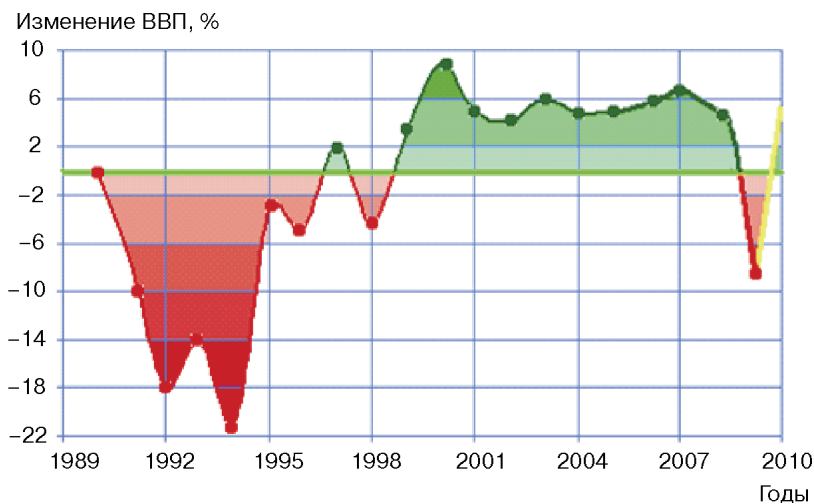

Рис. 1. Изменение российского ВВП

Хорошо заметно, что динамика ВВП в целом соответствует динамике экспорта и тоже проседает в периоды, соответствующие или непосредственно предшествующие политической нестабильности (начало 1990-х гг., 1998 г.), оказывая несомненный социально-политический эффект. Рост ВВП явно демонстрирует стабилизирующий эффект. В то же время рассмотрим следующий рисунок (рис. 2).

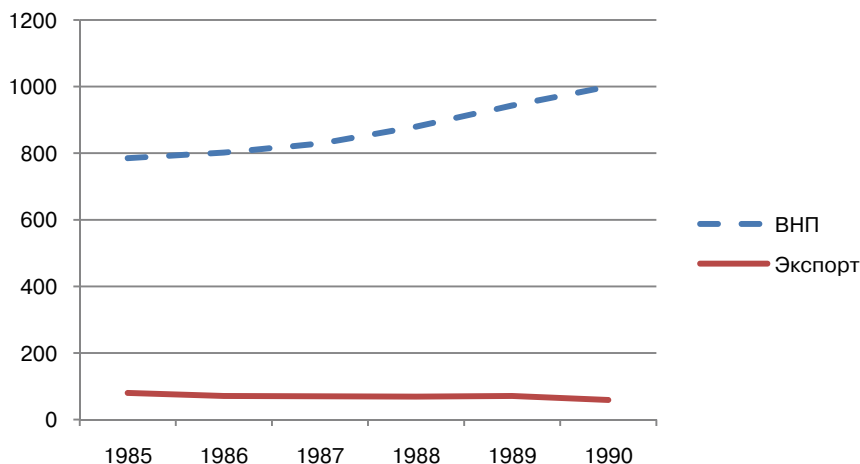

Рис. 2. Соотношение экспорта и ВВП СССР в период перестройки (в млрд руб.)

Как видим, в данном примере показатели динамики экспорта гораздо точнее отражают вектор происходивших в стране процессов. В конце 1980-х гг. в СССР шло нарастание кризисных явлений, и в то же время статистика ВВП фиксировала устойчивый экономический рост.

Экономическая статистика Египта и Туниса перед революционными событиями 2011 г. демонстрировала похожую ситуацию. Обращает на себя внимание распространенность подобных примеров в современном мире.

Еще одной методологической проблемой использования ВВП в качестве основного экономического показателя политической стабильности является вынужденное ограничение временных рамок исследования.

Как известно, методики расчета ВВП стали впервые применяться в ограниченном количестве стран только в 30—40-е гг. XX в.

В нашей стране ВВП начал рассчитываться со второй половины 1980-х гг. Таким образом, объем доступных для сравнения эмпирических данных неизбежно оказывается суженным.

Конечно, существуют и широко используются различные методики исторической реконструкции и составления статистических рядов ВВП (ретрополяция), однако результаты их применения вызывают большие споры и вполне предсказуемо страдают множеством неточностей.

Поэтому, учитывая, что одной из задач данного исследования является анализ событий вековой давности, нам представляется не совсем оправданным полагаться исключительно на данные, полученные спекулятивным путем, при том, что точная сопоставительная статистика по экспорту часто доступна с отступлением на столетия в прошлое.

Вывоз, «бегство» капитала также может являться информативным показателем финансовой и политической ситуации в стране. Так, на рис. 3 представлена диаграмма ввоза/вывоза капитала в нашей стране.

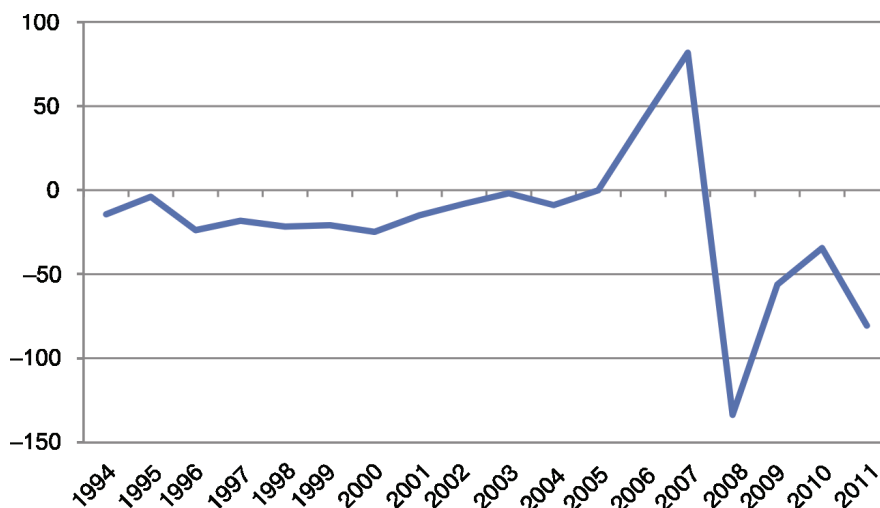

Рис. 3. Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором в РФ в 1994—2011 гг. (по данным ЦБ РФ)
(в млрд долларов США)

Очевидно, что стремительный отток денежных средств из экономики может спровоцировать нежелательные последствия, дополнительно дестабилизировать ситуацию.

Бегство капитала часто может также являться и предиктором социально-политических потрясений. Тем не менее мы полагаем, что данные по объемам ввоза/вывоза капитала являются менее информативными и более инертными для определения и прогнозирования уровня политической стабильности, чем параметры внешней торговли. Эти данные могут как демонстрировать, так и прятать значимые процессы и тенденции. Они скорее способны выполнять вспомогательную функцию, дополнительно иллюстрируя уже хорошо заметные процессы.

Кроме того, определение реальных объемов вывоза капитала и роли государства в этом процессе может быть непростой задачей.

Увеличение вывоза капитала, таким образом, может являться как индикатором экономических проблем, так и реакцией на негативно оцениваемые политические события и нестабильность. В этом смысле определенную озабоченность вызывает динамика увеличения оттока капитала из России в 2011—2012 гг. Многие эксперты полагают, что это связано с последним электоральным циклом и «бронзовением» правящего режима.

В то же время значительный внешний приток капитала не обязательно означает процветающее состояние экономики и социальное спокойствие — достаточно взглянуть на Грецию и некоторые другие страны ЕС.

Почему же динамика внешней торговли имеет такое политическое значение?

Представляется очевидным тот факт, что политическая стабильность напрямую зависит от состояния экономики и наоборот. Уровень инвестиций и внешней торговли растет, когда чувствуется уверенность в будущем.

Как известно, ничто так не подрывает потребительское и деловое доверие, как перспективы политической нестабильности и внезапного изменения «правил игры».

В то же время уровень и положительная динамика внешней торговли является важным составным элементом экономической стабильности и, соответственно, информативным индикатором и предиктором политической нестабильности. Снижение параметров внешней торговли означает не только сокращение производства и потребления, но и потенциальные социальные и политические проблемы.

Объем экспорта является важным индикатором международного влияния и уровня развития страны, указывает на ее уникальные сравнительные преимущества, уровень технического развития, интеграции в мировую экономику и т.д.

Параметры внешнеэкономического товарооборота также показывают, насколько хорошо политический режим сосуществует, сотрудничает и контактирует с другими странами. Если с этим имеются серьезные проблемы, объем внешней торговли и часто уровень политической стабильности являются невысокими.

Растущий объем экспорта вносит большой вклад в поддержание экономической стабильности страны, позволяет сохранять или увеличивать необходимые объемы импорта, модернизировать экономику, обходиться без внешней задолженности или погашать ее, накапливать золотовалютные резервы. Растущие обороты экспортных отраслей экономики ведут к увеличению их капитализации, способствуют привлечению в них как внутренних, так и внешних инвестиций. Профицит торгового баланса усиливает внешнюю безопасность политического режима (как экономическую, так и военную), рост международных резервов повышает статус страны и ее компаний в мире, а также обеспечивает «подушку безопасности» в случае неблагоприятных изменений рыночной конъюнктуры.

Резкое сокращение экспорта нередко приводит к растущим затруднениям государств и может сопровождаться финансовыми кризисами и политической дестабилизацией, а также скатыванием в долговую яму, вплоть до утраты значительной части суверенитета.

Роль и особенности экспорта развитых и развивающихся стран различны: если экспорт первых является отличным индикатором конкурентоспособности и технологического развития экономики, означающим ее способность производить товары, которые не могут достаточно эффективно производить другие страны, то многие развивающиеся страны экспортируют прежде всего биржевые товары.

Этот вид экспорта отличается повышенной волатильностью, что негативно сказывается на уровне рисков и стабильности стран-экспортеров, а также делает их более зависимыми от рыночной конъюнктуры мировой экономики. К тому же обладание мировыми резервными валютами позволяет развитым странам компенсировать возможное отрицательное сальдо торгового баланса.

Для большинства стран именно от экспорта зависит поступление валюты в страну и, соответственно, возможности модернизировать экономику, наполнить потребительский рынок и расплатиться с кредиторами. Как будет показано ниже, Россия вписывается в эту категорию стран и испытывает на себе скачки мировой конъюнктуры, сопровождающиеся снижением общего уровня стабильности.

Таким образом, экспортоориентированная экономика, особенно основанная на вывозе биржевых товаров, в ряде случаев может представлять дополнительный фактор политической нестабильности.

С точки зрения анализа стабильности особое значение имеет именно динамика, временные ряды экспорта — она может сказать многое и позволить выявить важные закономерности.

Для России, как и для многих других стран с большой территорией, характерен и даже объективно закономерен относительно низкий удельный вес экспорта в ВВП, особенно это было заметно в СССР. Тем не менее отличительная черта последних двух десятилетий, берущая свое начало еще в процессах перестройки конца 1980-х гг., заключается в том, что объем экспорта и его динамика играют все большую роль в жизни нашей страны. В отмеченный период отчетливо заметно резкое увеличение доли экспорта в ВВП.

Роль экспорта также серьезно возрастает в периоды экономических трудностей и нестабильности национальной валюты.

Таким образом, рост экспорта может являться важным стабилизирующим фактором, скрывающим (до поры) неэффективность и просчеты управления, бегство капитала, прогрессирующую деградацию неэкспортных секторов экономики и пр.

Резкое снижение объемов экспорта, наоборот, может подорвать основы даже успешно осуществляемой модернизации и в целом стабильного политического режима.

Поэтому неудивительно, что в мировой политике широко применяется «экономическое оружие» — политические меры внешнеэкономического давления и изоляции (санкции, эмбарго, блокада и т.п.), направленные на то, чтобы максимально сократить экспортные поступления страны-объекта с целью дестабилизировать неуютный политический режим.

Объем экспорта сам по себе не является достаточно валидным показателем краткосрочной стабильности без учета коэффициента фактического обслуживания внешнего долга, так как значительная часть экспортной выручки может направляться на ежегодное погашение долговых платежей и процентов по ним.

Общепризнанно, что соотношение годовой суммы платежей по внешнему долгу в соответствии с графиком (основной долг и проценты) и годового объема экспорта товаров и услуг (ЭТУ) должно не превышать 20—25%. 30—33% и выше — уже опасный порог, чреватый масштабным экономическим кризисом.

Опасным пороговым значением признается также ситуация, когда сумма накопленного внешнего долга в два раза превышает годовой объем экспорта, критическим считается превышение в три раза. При этом очевидно, что размер внешнего государственного долга острее влияет на политическую стабильность в стране, чем долги коммерческого сектора.

Как известно, в мире достаточно распространена практика, когда нестабильные или «обанкротившиеся» режимы, лидеры которых хотят любой ценой сохра-

нить власть еще на какое-то время, прибегают к обширным внешним займам, ставя под угрозу будущее и независимость своих стран. Их позицию отражает фраза «После нас хоть потоп».

Важным условием сохранения экономической стабильности является также объем международных резервов, пополняемый в России и многих других странах преимущественно за счет экспорта. На это указывает и т.н. критерий «Рэдди», согласно которому внешняя платежеспособность страны адекватно обеспечена, если ее золотовалютные резервы покрывают трехмесячный импорт плюс годовые платежи по долгу.

Понятно, что в современный период страны, не обладающие достаточными резервами, не могут рассчитывать на политическую стабильность и являются очень уязвимыми перед лицом внешних факторов.

На величину требуемых международных резервов влияет внешнеэкономическое положение страны.

После финансового кризиса 1997—1998 гг. большинство стран заметно увеличило свои резервы. Мы полагаем, что существует прямая положительная зависимость между объемом международных резервов страны и стабильностью политического режима, находящегося у власти. Накопление резервов, без сомнения, потенциально дает и ряд экономических плюсов: повышает инвестиционный рейтинг страны, создает «подушку безопасности», помогает эффективно бороться с «голландской болезнью» и т.д.

В то же время «консервативная» макроэкономическая политика является палкой о двух концах, так как обладание значительными резервами может быть связано с экономическими издержками, которые можно разделить на две основные группы: альтернативные и квазифискальные.

К сожалению, для некоторых стран накопление иностранных резервов может быть эквивалентно снижению нормы внутренних инвестиций.

На наш взгляд, такая стратегия может быть вынужденной, а может иметь и политическое объяснение: стремление обеспечить стабильность в кратко- или среднесрочной перспективе в ущерб долгосрочному экономическому и социальному развитию. Хорошим индикатором этого процесса может являться отношение величины импорта к величине экспорта страны в денежном выражении (см. рис. 4).

Избыточное превалирование экспорта над импортом может указывать на «страну-нумизмата», которая из года в год «коллекционирует» чужую валюту, не имея намерения или возможности использовать ее.

Такая политика сопряжена с рядом потенциальных проблем, таких как «долларизация» экономики, «импорт инфляции», вывоз капитала и т.д.

К сожалению, на примере современной России (являющейся явным «аутлайером» на схеме) мы видим некоторые из этих негативных последствий. Вероятно, руководство нашей страны слабо контролирует значительную часть международных резервов, размещенных за рубежом.

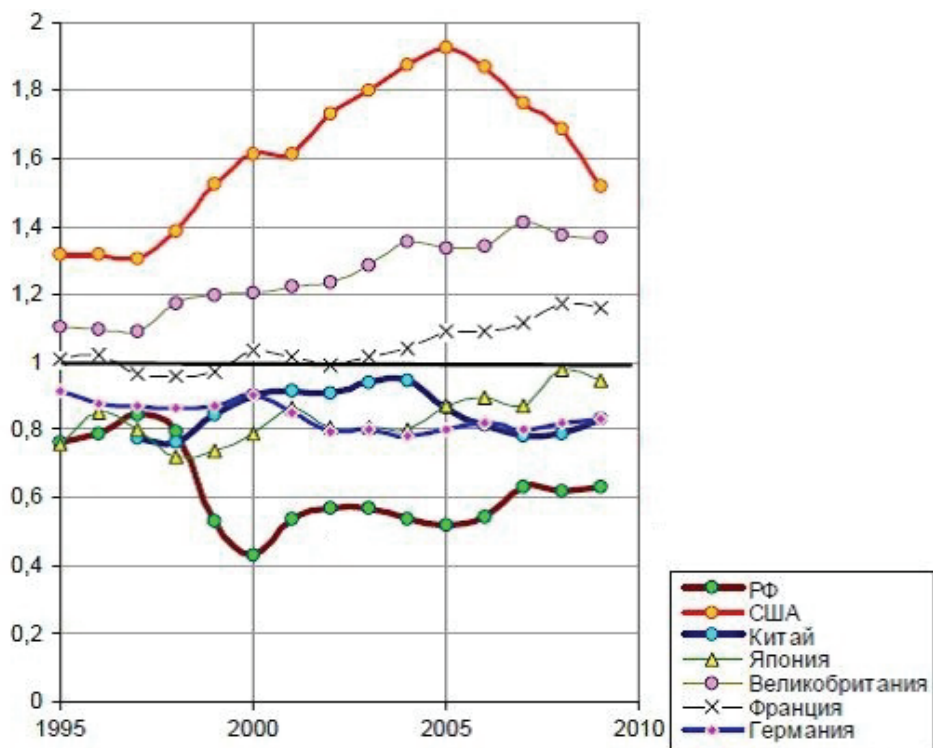

Рис. 4. Отношение величины импорта к величине экспорта в денежном выражении для крупнейших мировых участников внешнеторговой деятельности
(Источник: данные ВТО)

Для определения общей динамики финансовой стабильности страны мы предлагаем использовать синтетический индикатор, включающий в себя все рассматриваемые переменные — ежегодный индекс внешнеэкономической стабильности (E), рассчитываемый по формуле:

$$E = \frac{A - B + C}{D},$$

где A — объем экспорта, B — сумма годового обслуживания внешнего долга, C — объем международных резервов, D — размер внешнего долга.

Чем большее положительное число мы получим в итоге, тем больше индекс. Плюс предлагаемой формулы заключается в том, что она учитывает и долговую устойчивость страны и состояние ее внешней торговли.

На примере России мы видим, что этот индекс принимал разные значения в различные периоды истории.

В 2010 г. он был довольно высок и равен 1,60, на конец 2011 г. он мало изменился и составлял 1,62. В то же время в 1991 г. он был существенно ниже — 0,38. В 1917 г., накануне Февральской и Октябрьской революций, индекс составлял всего 0,21.

Определив методологические координаты исследования, обратимся к заявленным кейсам. Представляется целесообразным проверить исследовательскую гипотезу на примере «перестроечного» СССР и РФ (кейсы 2 и 3).

Если взглянуть на схему, представленную на рис. 5, отчетливо видно, что провалы внешнеэкономических показателей и «бутылочные горлышки» совпадают с периодами наименьшей политической стабильности (например, 1991, 1993, 1998 гг.), что убедительно верифицирует исходную гипотезу.

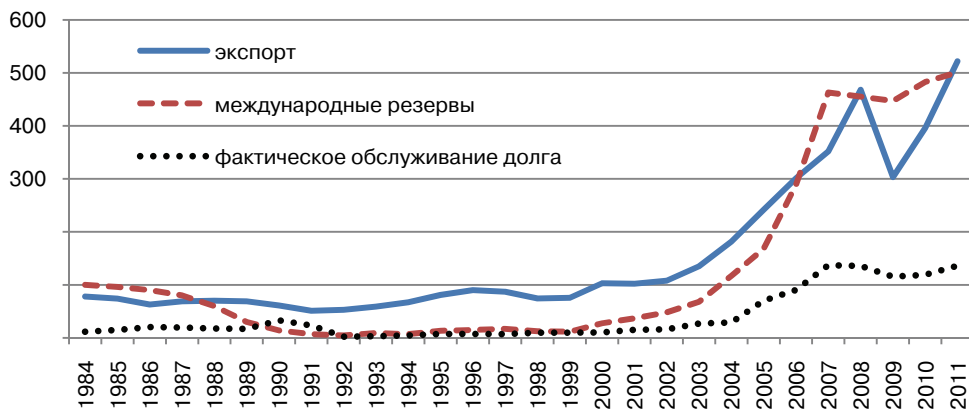

Рис. 5. Соотношение экспорта, объема международных резервов и обслуживания долга РФ и СССР в млрд долл. (без учета изменений ПС) (оценки В.Г. Иванова)

На рис. 6 для наглядности размещены временные ряды индекса экономической стабильности, рассчитанного по годам, высота столбиков позволяет наглядно оценить сравнительный уровень политической стабильности в разные временные периоды. Как отчетливо видно, периоды провалов и подъемов тоже сопровождаются реальными политическими событиями и в целом соответствуют экономическим показателям, представленным на предыдущей диаграмме.

Рис. 6. Показатели внешнеэкономической стабильности РФ

Данные по годам приводятся на конец года, за исключением 1993 г. — указаны данные на начало октября (т.е. на начало известных политических событий — в конце года показатели, естественно, снизились), и 1998 г. — данные на начало июля

Проанализируем ситуацию, предшествовавшую распаду СССР, чтобы определить роль внешнеэкономических факторов в этом процессе.

На рис. 5 мы отчетливо видим, что с начала перестройки внешнеэкономическая ситуация стала ухудшаться, а с конца 1980-х гг. на «шее» страны стремительно затягивалась тугая экономическая «удавка», способствовавшая развалу страны и крушению коммунистического режима.

Одновременно со снижением экспорта ухудшались и другие экономические показатели: стремительно сокращался объем золотовалютных резервов страны, увеличивался внешний долг и стоимость его обслуживания. Попытаемся определить, что за процессы происходили в то время, проследив все три представленные на диаграмме переменные.

В первую очередь обращает на себя внимание снижение объемов советского экспорта начиная с 1986 г., эта тенденция сохраняется и достигает критических значений в 1989—1991 гг. — т.е. в период наибольшей нестабильности, закончившийся всем известными политическими событиями.

На первый взгляд, СССР не сильно зависел от изменения объема экспорта, так как экономика была автаркична, а доля экспорта в ВВП невелика. Как отмечает А. Саркисянц, «в идеологическом и практическом плане принцип обеспечения внешней независимости четко отстаивался вплоть до конца 1980-х гг., и внешнеэкономические связи Советского Союза отличались безукоризненной платежеспособностью» (См.: [8]).

Оценить объем советского экспорта представляется не такой уж простой исследовательской задачей.

Его можно разделить на 2 части: экспорт в развивающиеся страны и страны СЭВ и экспорт в капстраны, закупавшие у СССР преимущественно биржевые товары.

По всей видимости, особенное значение имела та его часть, которая включала товарооборот с капстранами.

Дополнительную сложность для расчетов представляет то обстоятельство, что внешнеэкономические расчеты велись в инвалютных рублях, имевших плавающий курс.

Доля второго типа экспорта в 1980-е гг. колебалась всего от 2,6 до 4,2% советского ВВП. Поэтому, на первый взгляд, возникает ощущение (как будет показано ниже, ошибочное), что данный вид экспорта не мог играть сколь-либо заметной роли (тем более политической) в жизни страны.

Таким образом, предсказуемо не находит подтверждения широко распространенный тезис о «крахе СССР из-за падения нефтяных цен в конце 80-х».

Из рис. 2 видно, что доля экспорта в ВВП СССР была сравнительно невелика, и колебания цен на нефть не могли решающим образом сказаться на состоянии экономики в целом. Падение цен на нефть действительно привело после 1984 г. к снижению экспорта. В 1986 г. была зафиксирована рекордно низкая цена барреля нефти — 7 долл. Как известно, это снижение было политически мотивировано стремлением США и их союзников на Ближнем Востоке нанести удар по экономике СССР с целью его дестабилизации. Но оно не могло сыграть решающей роли в судьбе страны (1).

Бросается в глаза резкое и скоординированное снижение мировых цен на основные пункты валютного экспорта СССР в развитые страны: газ, нефть, стройматериалы, пиломатериалы, рыбу, хлопок и т.д.

Удар, несомненно, был ощутимый, и его направление было выбрано правильно, но он не стал смертельным, как пытаются представить многие современные экономисты.

К тому же с 1987 г. СССР удалось диверсифицировать свои валютные поступления, введя в действие газопровод, соединяющий Западную Сибирь с Западной Европой. Были заключены многолетние договоры на поставки газа во Францию и Германию. Естественно, США как могли препятствовали этому процессу.

В то же время недооценивать роль экспорта в капиталистические страны было бы неверно.

Именно он приносил стране необходимые валютные поступления, от которых становились все более зависимыми и экономика, и потребительский рынок.

Экспортная выручка тратилась преимущественно на импорт промышленного оборудования (в первую очередь в сфере машиностроения, электроники и информационных технологий), продовольствия и потребительских товаров из развитых стран.

Доля этого импорта в ВВП Советского Союза была небольшой, например, в 1980 г. она равнялась 1,6% (См.: [14]), но его значение было довольно велико, т.к. это была самая «деликатесная» часть советского импорта. Многие его позиции становилось просто нечем заменить. Если взглянуть на ситуацию, вооружившись теоретической оптикой миросистемного подхода, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. наша страна начала ускоренную интеграцию в мировую систему капиталистической экономики, причем в качестве периферии.

Нужно признать, что, даже учитывая неблагоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру, основные экономические удары позднесоветское политическое руководство наносило стране своими руками, пусть и с прямой подачи «зарубежных партнеров». Здесь мы скорее согласны с С.Г. Кара-Мурзой в его оценке деструктивной роли отмены монополии внешней торговли с 1 января 1987 г. и ряда других политических решений того периода [5. С. 32—33]. В итоге уже в 1989 г. — впервые в истории — импорт в СССР превысил экспорт.

Снижение экспорта, сопровождавшееся его постепенной переориентацией на капиталистические страны и хаосом в таможенной сфере, создавало негативную внешнеэкономическую ситуацию и вело к росту внешней задолженности.

До начала перестройки внешний долг СССР (в валюте) был незначительным и составлял в 1984 г. менее 6 млрд долл. [11. С. 173]. При этом СССР был крайне разборчивым в условиях заимствований. Однако со второй половины 1980-х гг. руководство страны начало активные и в целом экономически бессмысленные заимствования на Западе (2). При этом, как известно, «кредиты перестройки» были часто политически обусловленными и требовали от страны немалых политических уступок. Более того, в отличие от прежнего руководства, горбачевские «перестройщики» брали кредиты на невыгодных условиях, раздувая краткосрочные обя-

зательства, что привело к резкому утяжелению бремени обслуживания внешнего долга за счет и без того неблагоприятной экспортной конъюнктуры.

В критические годы (1990—1991) коэффициент обслуживания внешнего долга составлял свыше половины (!) экспортных поступлений — на рис. 5 хорошо заметно образовавшееся узкое «бутылочное горлышко». Страна оказалась на грани дефолта. Негативные последствия этого процесса, в частности, стремительный рост внутреннего долга не заставили себя долго ждать, экономические проблемы напрямую затронули широкие массы граждан. За годы перестройки внешний долг страны вырос многократно, превысив в 1991 г. 90 млрд долл. Возможности рассчитаться по нему не было. Правящий режим закономерно загнал себя в экономический и политический тупик.

Обратимся к еще одной переменной: могли ли золотовалютные резервы исправить ситуацию? Представляется, что могли, однако в решающий период по политическим причинам они оказались не задействованы.

Точно оценить стоимость советских золотовалютных резервов в середине 1980-х гг. непросто, однако на основе доступных данных можно сделать вывод о том, что если их валютная составляющая вряд ли достигала 10 млрд долл., то золотой запас был огромен — не менее 2,5 тыс. тонн золота. Однако, как известно, в период перестройки он был практически полностью растрочен и вывезен из страны без всяких законных оснований и заметной пользы для экономики — в итоге в конце 1991 г. в Гохране оказалось менее 300 тонн золота.

Таким образом, есть основания полагать, что с 1989 по 1991 гг., при непосредственном участии элиты, за рубеж «перегнали» не менее 2200 тонн советского золота [11. С. 176—177].

Предкризисная ситуация в СССР имела много общего с событиями в других социалистических странах, в первую очередь речь идет о Югославии и Польше.

В Югославии последствия кризиса оказались наиболее трагичными.

Более того, экономические проблемы СССР спровоцировали «эффект домино» в странах СЭВ.

Потеря крупнейшего рынка сбыта дестабилизировала экспортоориентированную и до этого момента в целом благополучную экономику ГДР. Крушение политического режима в этой стране не заставило себя долго ждать. Имеются серьезные основания полагать, что над ухудшением экономической ситуации в странах Восточной Европы и сопутствующей «обработкой» их элит поработали также т.н. «экономические убийцы», деятельность которых впервые была широко раскрыта в известной автобиографической работе Дж. Перкинса (См.: [7]).

Как закономерный итог, сопровождающий уничтожение советской экономики, последовал длительный период «реформенной» нестабильности и внешней зависимости, наиболее отчетливо проявивший себя в 1990-е гг.

Как экономическая, так и внешняя политика российского правительства очень часто координировалась извне. Неспособность осуществлять выплаты по внешнему долгу дважды — в декабре 1991 г. и августе 1998 г. — привела к национальным дефолтам, сопровождавшимся социальными потрясениями.

Дефолт 1998 г. чуть не спровоцировал масштабный политический кризис. Так как страна была фактически банкротом, а экономику лихорадило, обслуживание внешнего долга в 1990-е гг. происходило в основном за счет рефинансирования.

На наш взгляд, западные кредиторы пошли на этот шаг, чтобы поддержать стабильность удобного им режима Б. Ельцина. Снижение бремени обслуживания внешнего долга в 1990-е гг., отчетливо заметное на рис. 5, было достигнуто исключительно за счет соглашений о реструктуризации долговых платежей, которые вряд ли можно признать удачными для нашей страны. Хотя они позволили уменьшить нагрузку на экономику в течение 1992—2000 гг., зато привели к новым заимствованиям и существенно (в два раза) увеличили размер внешнего долга.

В 1990-е гг. зависимость уровня стабильности России от объема экспорта стала явной и очень чувствительной: страна прочно села на «нефтяную иглу». Дополнительным фактором нестабильности было практически полное отсутствие финансовой «подушки безопасности», что делало страну уязвимой даже перед лицом слабых флуктуаций мировой конъюнктуры. Например, в 1999 г. ведущие бизнес-издания страны с неподдельной гордостью сообщали, что Россия накопила «значительные» международные резервы в размере 10 млрд долл.

Следующим важным этапом стали 2000-е гг. Здесь мы видим обратный эффект: с 2003 г. стремительный рост экспортной выручки, обусловленный благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой, в частности, быстрым ростом цен на энергоносители и металлы, создал прочную основу т.н. «путинской стабильности». На основе доходов от экспорта стало возможным погашать внешнюю задолженность и накапливать международные резервы. Как положительный фактор можно расценивать появление в России с 2004 г. Стабилизационного Фонда.

Со второй половины 2000-х гг., за счет опережающего погашения, государственный долг РФ сжался до безопасного уровня. По данным ЦБ, уже в 2007 г. он снизился до менее 40 млрд долл., что является одним из самых низких показателей в Европе. Выплаты по нему составляют не более 5—2,5 млрд долл. в год и не являются проблемой для бюджета.

В то же время уже давно вызывает озабоченность ситуация со стремительно выросшим в период 2000-х гг. долгом частного сектора.

Однако, несмотря на тяжелое бремя выплат по долгу для экономики, на краткосрочную и среднесрочную политическую стабильность в стране эта задолженность влияет несравнимо меньше, чем государственная. Это, скорее, угроза долгосрочной стабильности.

Хотя справедливости ради нужно отметить, что по очевидным причинам часть корпоративного долга выплачивается государством.

Ситуация мирового финансового кризиса 2008—2010 гг. сказалась негативно и на внешнеэкономических показателях нашей страны, и на уровне стабильности, в частности, протестных настроений в обществе. Однако этот эффект был далек от критического. В годы кризиса увеличилось бегство капитала, опасной черты в 34 и даже 39% достигал коэффициент выплат по внешнему долгу, однако с учетом того, что это были преимущественно негосударственные долги и золотовалютные резервы страны были велики, это обстоятельство не смогло подорвать финансовую стабильность РФ.

По последним данным (апрель 2012 г.) Центрального банка Российской Федерации, общий внешний долг России (частный и федеральный сектор) составляет 565 млрд долл. США — из этой суммы доля долга госсектора оценивается всего в 34 763 млн долл.: на его погашение в этом году государство планирует потратить 2,4 млрд.

В относительном выражении на конец прошлого года внешний долг частного и федерального сектора снизился до 29% от объема российского ВВП и 95% от ЭТУ.

Оценка платежного баланса Российской Федерации за I квартал 2012 г., представленная на сайте Центрального банка, указывает на рост экспортных поступлений и позволяет дать положительный прогноз финансовой стабильности РФ (и правящего режима) в краткосрочной перспективе.

Из диаграммы, представленной на рис. 5, видно, что ни по одному из показателей Россия не находится на опасной границе, и ее внешнеэкономическое положение, как и общая стабильность в ближайшие два-три года, не должны значительно ухудшиться. Основную угрозу в среднесрочной перспективе представляет риск снижения внешнеэкономической конъюнктуры. Ситуация, в частности, сильно зависит от цен на энергоресурсы, которые занимают больше половины экспорта России. Цены на нефть волатильны и плохо поддаются прогнозированию, поэтому возможны и даже объективно неизбежны скачки конъюнктуры, способные оказывать негативное влияние на стабильность финансовой системы страны, курс рубля и, соответственно, рост протестных настроений.

Без сомнения, структура российского экспорта повышает внешнеэкономическую уязвимость страны.

На основе имеющихся данных можно сделать политический прогноз: ситуация стабильна, пока сохраняется текущая экспортная конъюнктура.

Таким образом, нужно отметить в целом достаточный уровень внешнеэкономической стабильности в краткосрочной и, скорее всего, в среднесрочной перспективе.

На наш взгляд, политический режим в нашей стране будет оставаться стабильным до тех пор, пока экспортные поступления резко не снизятся. Объективных экономических оснований для этого в ближайшие годы нет (чего нельзя сказать о более отдаленной перспективе), однако вполне возможны, как в некоторые предыдущие периоды отечественной истории, политически мотивированные попытки извне ограничить экспортные возможности нашей страны и тем самым дестабилизировать политический режим.

В энергетической сфере мы отчетливо наблюдаем потенциально схожие инициативы в различных регионах (например, стратегическое строительство газо- и нефтепроводов в обход России, развитие и пропаганда технологий добычи сланцевой нефти и газа и т.д.).

Рассмотрим следующий кейс — Россия до революций 1905—1907 и 1917 гг. В этот оживленный период проявились два основных периода нестабильности: 1905—1907 и 1914—1917 гг. Оба сопровождались масштабными революция-

ми и являлись в значительной степени экономически детерминированными. Забегая вперед, можно отметить, что предложенная нами методология оказалась применима к анализу революций, уничтоживших Российскую империю и самодержавие.

Целесообразно начать анализ с рассмотрения событий, непосредственно предшествовавших революции 1905 г.

С одной стороны, данный кейс может выглядеть как контраргумент нашей гипотезы, по той причине, что, согласно имеющимся данным, объем экспорта в тот период не сокращался, а, скорее, наоборот, стабильно увеличивался. Но вспомним, какой социальной ценой это достигалось. Увеличение потребностей страны в росте экспорта создавало дополнительную нагрузку на аграрное население, являющуюся важным дестабилизирующим фактором. В экспорте России того времени зерно и продовольственные товары составляли в разные годы от 80 до 55%.

Форсированный вывоз хлеба, по принципу министра финансов И.А. Вышнеградского: «сами не доедим, но вывезем», накладывался на происходившие в то время демографические процессы (социально-демографический цикл — «оскудение центра»), заведомо неблагоприятные для такой экспортной политики.

В результате внутреннее потребление искусственно сокращалось. Неслучайно одним из важнейших лозунгов революции 1905 г. было простое человеческое: «хлеба!».

Бедственное положение огромного количества крестьянских хозяйств вело к росту крестьянских волнений. Если в 1890-х гг. было отмечено 594 выступления, то в 1900—1904 гг. — 1205. Массовое участие крестьян в революции 1905—1907 гг., когда было зафиксировано почти 26 тыс. выступлений, в ходе которых было уничтожено около 4 тыс. помещичьих имений, показало всю остроту аграрного вопроса.

Описанные события наложились на мировой экономический кризис 1900—1903 гг., который, как известно, затянулся в России до 1909 г. Спад промышленного производства делал еще более необходимым рост зернового экспорта.

В то время было и еще одно обстоятельство, усиливавшее значение экспорта для стабильности экономической системы страны: золотой рубль.

Желание восстановить золотой стандарт рубля после экономического спада, русско-японской войны и революции 1905 г. привело к неизбежности масштабных внешних заимствований. При этом экономическая зависимость неизбежно вела и к политической зависимости от стран-кредиторов.

Результатом резкого усиления такой зависимости к началу XX в. стала целая серия неравноправных экономических и политических договоров: в 1904 г. с Германией, в 1906 г. с Францией и в 1907 г. с Англией. Особенно выделяется на этом фоне т.н. французский царский заем 1906 г.

По выражению С. Витте, «заем этот был самый большой, который когда-либо заключался в иностранных государствах в истории жизни народов» [1. С. 250].

Важным (хотя далеко не единственным) политическим условием предоставления займа была поддержка Франции в ее споре с Германией из-за Марокко, что означало для России неизбежное обострение отношений с Германией и исторический выбор в пользу Антанты.

Этот выбор был фактически сделан на Альхесирасской конференции, собравшей 13 крупнейших стран того времени. Конференция имела два обусловленных исторических результата: решение, при участии России, вопроса о Марокко в пользу Франции, а не Германии и поддерживавшей ее Австро-Венгрии, и одобрение российского займа странами Антанты.

Как справедливо отмечает А. Саркисянц, «российский внешний заем 1906 г. имел большое значение для расстановки политических сил в Европе в начале XX в. и знаменовал важный этап в наметившемся процессе экономического и военно-политического сближения России с англо-французской Антантой и одновременно роста зависимости от нее» (См.: [8]).

Как видно, внешнеэкономическая ситуация того времени оказала решающее влияние на дальнейший ход всей российской истории.

Теперь рассмотрим ситуацию, напрямую предшествовавшую революционному 1917 г.

Обращает на себя внимание то, что многие историки и экономисты, представляя экономическую статистику дореволюционной России, часто ограничиваются 1914 г.

Действительно, довоенные экономические показатели выглядят вполне стабильными, не переступая критический порог. Внешнеторговый оборот характеризовался положительным сальдо торгового баланса, финансовая система была стабильна.

Да, к сожалению, внешний долг страны был одним из самых больших в мире (возможно, уступая лишь долгу США), но в то же время золотой запас России составлял более 1337 тонн и был самым крупным в Европе, а динамика экспорта была вполне положительной. Но в то же время не стоит забывать, что революция произошла не в 1914, а в 1917 г., поэтому наибольший интерес представляют экономические данные 1914—1917 гг. И действительно: эти данные могут сказать о многом.

На рис. 7 представлены результаты расчетов автора внешнеэкономических параметров Российской империи с 1914 по революционный 1917 г. в млрд золотых рублей. Приходится сделать уже привычное замечание о том, что некоторые данные на диаграмме имеют приблизительный характер, указывая на основные тенденции того времени.

Так, стоимость золотых запасов Российской империи, а также их объем по годам (с учетом вывоза золота в годы войны) можно определить лишь приблизительно. Вполне возможно, что мы представляем «оптимистичную» оценку золотых резервов страны, а в действительности их стоимость была ниже. Также в исследовательской литературе представлены разные оценки объема внешнего долга России.

Как отчетливо заметно на диаграмме, с началом Первой мировой войны происходит стремительное ухудшение всех основных внешнеэкономических параметров страны. В сочетании с другими факторами это привело к политическим потрясениям, изменившим ход истории. Иными словами, мы полагаем, что революции 1917 г. и гражданская война в России были в значительной степени обусловлены внешнеэкономическими причинами и спровоцированы извне. При этом решающую роль здесь сыграли именно союзники России по Антанте, прежде всего Англия и Франция.

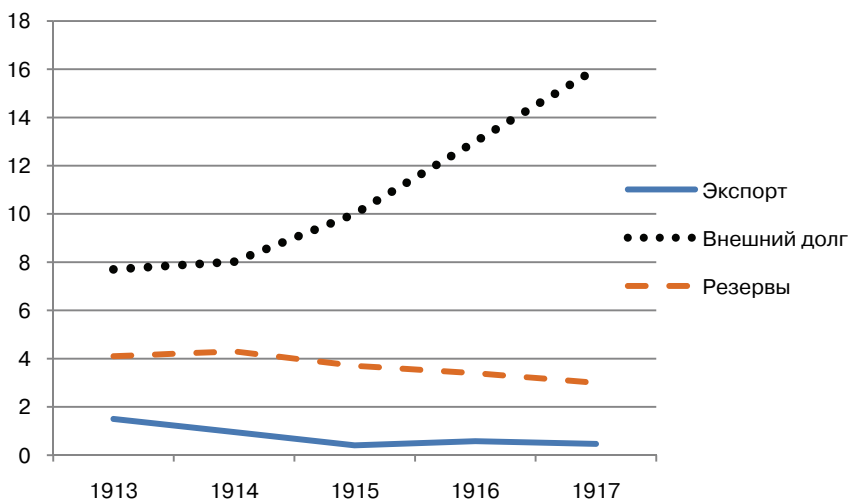

Рис. 7. Внешнеэкономические параметры России до революции 1917 г. в млрд золотых рублей (оценки В.Г. Иванова)

Данные, представленные на диаграмме, подтверждают эвристический потенциал обращения к динамике экспорта для прогнозирования политической нестабильности. На основе анализа данных даже за 1914—1915 гг. можно сделать вывод о том, что Россия стремительно приближалась к критической черте, за которой крушение правящего режима было неотвратимо.

Роль катализатора, расшатавшего экономическую систему страны и ее финансовую устойчивость, сыграло резкое снижение экспорта с началом войны, спровоцировавшее отрицательное сальдо торгового баланса, которое сохранялось в течение всей войны (3). На рис. 7 отмечено, что ЭТУ Российской империи упал с 1,5 млрд рублей в 1913 г. до 956 млн в 1914 г., 402 млн в 1915 г., 577 млн в 1916 г. и 463 млн рублей в 1917 г.

Такое сокрушительное снижение было обусловлено целым комплексом естественных причин: невозможностью зернового экспорта в военное время, потерей традиционных рынков сбыта (например, Германии), недоступностью прежних транспортных маршрутов и т.д.

С внешнеэкономическими проблемами в тот период столкнулось большинство стран, однако именно для России их последствия оказались наиболее разрушительными. Н.П. Ионичев справедливо отмечает: «Первая мировая война нанесла ощутимый удар по мировым экономическим связям, разорвала многочисленные нити международного обмена, финансирования, снабжения сырьем и продовольствием. Мировое хозяйство, превратившееся в начале XX века в единый хозяйственный механизм, распалось на ряд более или менее изолированных районов... Во всех европейских воюющих странах кардинально изменилось соотношение между импортом и экспортом во внешнеторговом обороте: удельный вес импорта резко возрос, а экспорта, наоборот, понизился... Россия до войны была в меньшей степени, чем другие европейские страны, связана с международным рынком... Вынужденное сосредоточение всей промышленной деятельности на военном произ-

водстве разрушала внешние экономические связи, что оказало существенное воздействие на ее экономику, финансовое состояние и внешнеторговые отношения» (См.: [4]).

Несмотря на сокращение экспортных поступлений, потребность страны в импорте, наоборот, увеличивалась.

Как известно, Россия оказалась экономически не готова к войне, недостаток в вооружении и снабжении русская армия испытывала с первых же дней войны, через несколько месяцев интенсивных боевых действий начался жестокий дефицит вооружений — воевать стало буквально нечем.

Участник событий А.И. Деникин писал, что «уже к октябрю 1914 года иссякли запасы для вооружения пополнений, которые мы стали получать на фронте сначала вооруженными на $\frac{1}{10}$, потом и вовсе без ружей. Главнокомандующий Юго-западным фронтом телеграфировал в Ставку: «источники пополнения боевых припасов иссякли совершенно»... Катастрофа разразилась окончательно в 1915 году. Весна 1915 г. останется у меня навсегда в памяти. Великая трагедия русской армии — отступление из Галиции. Ни патронов, ни снарядов... Из всех армий вопль — дайте патронов» (См.: [3]).

Британский премьер-министр Ллойд Джордж писал: «Столь храбрую армию немцы гнали огнем, как стадо... В мучениях этих храбрецов виновата чиновная глупость, из-за нее оказались они лишены средств защиты себя и своей страны, за которую готовы были умереть» (См.: [6]).

Быстро перевести экономику на мобилизационные рельсы и обеспечить армию за счет внутреннего производства не удалось. В сложившейся ситуации Россия была вынуждена обратиться за помощью к союзникам.

После долгих переговоров были достигнуты договоренности о военных поставках из стран Антанты. Так как сократившиеся доходы от экспорта не позволяли их оплачивать, импорт осуществлялся в основном за счет открытия внутренних и внешних займов и вывоза золота. Новые кредиты были необходимы как для обслуживания уже накопленного государственного долга (например, выплат по ценным бумагам, находившимся в руках держателей в союзных и нейтральных странах), так и для оплаты военных заказов за границей. Следует отметить, что союзники, несмотря на свою заинтересованность в российских наступлениях, крайне неохотно соглашались оказывать военно-экономическую поддержку России, оставляя договоренности целым рядом экономических и политических требований и не упуская любой возможности дополнительно нажать на поставках (4). На диаграмме (рис. 7) отчетливо заметны стремительные темпы роста внешней задолженности, принявшей к 1917 г. критические значения и явившейся важным фактором крушения самодержавия, октябрьской революции и гражданской войны, сопровождаемой интервенцией. Действительно, из-за вынужденной политики активного внешнего заимствования Россия по темпам наращивания государственного долга в годы войны обогнала все воюющие страны — за несколько лет Россия назанимала за рубежом больше, чем за 20 предыдущих лет интенсивной догоняющей модернизации.

В результате накануне октября 1917 г. совокупный (внешний и внутренний) государственный долг России составлял 60 млрд руб., или семнадцать довоенных годовых бюджетов России [2. С. 498—499].

Размер внешнего долга (с учетом иностранных инвестиций) достиг астрономической по тем временам суммы в 16 млрд руб., из них краткосрочная задолженность превышала 8 млрд руб.

Выше мы писали, что современными экономистами опасной для финансовой стабильности страны считается ситуация, когда сумма накопленного внешнего долга в три раза превышает годовой объем экспорта. Перед Октябрьской революцией внешний долг страны превышал годовой экспорт в 34 (!) раза.

Временное правительство, сместившее династию Романовых, признало царские долги и остро нуждалось в новых. В отличие от большевиков, оно оказалось не в состоянии поддерживать ни военные усилия России, ни собственную стабильность без внешних займов. В отличие от них, оно не имело и явной стратегии развития и даже выживания страны.

Россия оказалась в тупике, так как ее кредиторы были непреклонны в своих требованиях, а возможности их удовлетворить не было. Ведь даже в случае «победоносного» окончания Первой мировой войны и без того разоренная войной Россия, как победитель, должна была выплатить только западным кредиторам более четырех государственных золотых резервов 1913 г. Внешний долг по отношению к экспорту России более чем на 40% превышал предельные репарации с побежденной Германией [2. С. 499].

Между тем к 1917 г. Россия фактически была банкротом. Даже отказ от всех своих резервов не смог бы значительно ускорить выплату страной внешнего долга, так как у нее не было возможности выручить достаточное количество валюты от международной торговли. По некоторым расчетам, на выполнение обязательств ушло бы от 50 до 100 лет.

При этом огромный внешний «военный» долг страны был практически виртуальным и дал мизерную реальную отдачу для обороноспособности страны.

Дело в том, что Россия фактически получила очень немного из того, за что была должна. Реальная стоимость полученного военного снаряжения составила чуть более одного млрд руб., или 13% от суммы предоставленных кредитов.

Данная величина составляла около 10% от реальных военных расходов России в 1914—1917 гг. Недопоставки принимали колоссальные масштабы. Так, английская промышленность к марту 1917 г. произвела лишь порядка 20—25% русских военных заказов, причем далеко не все оружие было поставлено в Россию. США выполнили свои обязательства всего на 10%. При этом, по оценкам современников, не менее трети поставленных союзниками товаров составлял просто заводской брак. Кроме того, как отмечает Н. Яковлев, «западные промышленники рассматривали русские заказы как средство наживы. Цены на вооружение и снаряжение взвинчивались на 25—30% выше, чем для покупателей в западных странах» [12. С. 169—171].

Срывались и сроки поставок, что создавало дополнительные сложности для русской армии. Из заказанных во Франции 50 самолетов в Россию так и не было поставлено ни одного.

В 1915 г. из Англии к 1 сентября, согласно заключенному соглашению, должен был поступить 1 млн снарядов. Однако британские власти весной 1915 г. уменьшили эту цифру до 520 тыс., а фактически к концу августа было поставлено лишь 5 тысяч снарядов (См.: [4]).

России все равно пришлось вести войну преимущественно за счет собственного производства. По сравнению с тем, что было изготовлено в России, импорт оружия составил: по винтовкам — 30%, патронам к ним — менее 1%, по орудиям разных калибров — 23%, снарядам к ним — около 20% и т.д. [12. С. 227—228]. Парадокс ситуации состоял в том, что союзники, несмотря ни на что, требовали полной выплаты преимущественно виртуального долга, так как большая часть поставок существовала в лучшем случае на бумаге.

Этот виртуальный внешний долг стремительно рос, так как проценты по нему были практически беспрецедентными, в полтора-два раза превышая стандартную для того времени ставку и достигая 8—10% в год и даже выше.

Кроме того, как отмечает В. Сироткин: «что до кредитов России, то, как повелось в ростовщической практике западных банков, с них снимались различные комиссионные, на них нагревали руки биржевики» [9. С. 23—24].

Естественно, по классической схеме, предложения кредитов были и политически обусловленными. В частности, они сопровождалась требованиями наступлений на восточном фронте и продолжения активных военных действий.

Кроме того, Англия потребовала перевезти в Лондон $\frac{1}{3}$ российского золотого запаса.

Франция обратилась к правительству Николая II с просьбой направить на Западный фронт 300 тысяч «неорганизованных» солдат в качестве «пушечного мяса». Сторговались на 50 тысячах, составивших печально известный русский экспедиционный корпус (к 1919 г. из этого числа осталось в живых менее 500 человек). Подобных требований и уступок за годы войны было сделано очень много.

Долговой тупик разрешился Октябрьской революцией. Сменившие Временное правительство большевики не нуждались в кредитах и отказались признавать царские долги и долги Временного правительства. Этот шаг был вынужденным и неизбежным, и вовсе не таким агрессивным, как его часто представляют.

В. Галин так пишет об этом: «Невыполнение странами Антанты своих фактических союзнических обязательств перед Россией сыграло решающую роль, стало ключевой причиной разорения страны и радикализации русского общества, приведшей в том числе к национализации и аннулированию долгов. Это был не акт захвата чужой собственности — это был акт самозащиты, самосохранения...» [2. С. 501].

Аннулирование долгов и национализация банков дополнительно испортило отношения с бывшими союзниками и стало одним из ключевых катализаторов начала интервенции и гражданской войны.

Есть основания полагать, что западная интервенция во многом походила, в том числе, и на «коллекторскую» операцию, а основным требованием интервентов, неизменно предъявляемым и к Временному правительству, и к представителям Белого движения, был безусловный возврат долгов.

Мы полагаем, что если бы не зарубежное вмешательство, Россия вполне могла избежать широкомасштабной гражданской войны с ее огромными жертвами и разрухой. Ведь к началу гражданской войны все белые армии представляли собой всего около тысячи офицеров и 5—7 тыс. плохо вооруженных казаков и солдат [2. С. 11—12].

Настоящая война началась из-за вмешательства бывших союзников, желавших ослабить и разграбить Россию под предлогом возврата долгов, и из-за того, во многом случайного факта, что золотой запас Российской империи оказался в самом начале войны в руках белого движения и стал использоваться против своей страны, на протяжении нескольких лет подпитывая братоубийственную бойню и обогащая европейские страны.

В этой связи ситуация с российским золотым запасом тоже вызывает значительный интерес, в целом вписываясь в логику событий. Анализ данной экономической переменной свидетельствует о ее предиктивном потенциале в рассматриваемых событиях. На рис. 7 отмечено заметное (как минимум на $\frac{1}{3}$) сокращение государственного золотого запаса к 1917 г., что является дополнительным индикатором негативных внешнеэкономических процессов, приведших к революции.

Действительно, в силу ряда политических и военных причин самый большой в Европе запас золота не помог ни финансовой системе России, ни правящему режиму избежать крушения. Более того, к моменту окончания гражданской войны страна лишилась практически всего золотого запаса, что, без сомнения, отрицательно сказалось на ее последующем развитии.

Судьба золотых резервов Российской империи является одновременно печальной и поучительной.

Начало первой мировой войны означало конец золотого стандарта — был прекращен свободный обмен бумажных денег на золото. 629 млн золотых рублей (22,6% всех денег, находившихся на тот момент в обороте) сразу были спрятаны населением и фактически выведены из обращения, провоцируя кризис наличности.

За годы войны Россия отправила в банки Лондона, Нью-Йорка и Парижа около 490 тонн золота в оплату за поставки и «на хранение». При этом, как известно, большинство контрактов не были выполнены иностранной стороной.

Начиная с 1914 г. золото планомерно переправлялось и в Японию: сначала в оплату импорта, а затем «просто для того, чтобы большевикам не досталось» (См.: [8]). Всего в Японии осело до 200 тонн.

В 1918 г. в рамках репараций по Брест-Литовскому договору Советская Россия была вынуждена отправить в Германию 93,5 тонн золота и 203,6 млн золотых рублей.

В дальнейшем это золото незаконно оказалось во Франции и Англии в виде уже немецких репараций.

Наконец, большая часть оставшегося золотого запаса в 1918 г. была захвачена белогвардейцами в Казани (500 тонн золота и 650 млн золотых рублей) и оказалась в распоряжении правительства Колчака. Эти средства использовались для обеспечения материальной и организационной базы Белого движения, многократно усилив и продлив хаос гражданской войны и превратив интервенцию в выгодное мероприятие для бывших союзников. Большая часть этого золота безвозвратно по-

кинула Россию, осев в западных странах. Остатки российских резервов были похищены бывшими чешскими пленными и вывезены эмигрантами.

Таким образом, к моменту окончания гражданской войны молодое советское правительство лишилось практически всех золотых резервов Российской империи и ее зарубежной собственности и в результате послевоенной разрухи было вынуждено, по сути, строить экономику «с нуля».

В этой ситуации, сопровождавшейся длительным экономическим и политическим террором со стороны ряда стран, вектор развития России объективно стал сдвигаться в сторону автаркии, мобилизационной экономики и выхода из мировой капиталистической системы. Утрата золотых резервов привела к вывозу из страны значительной части культурных ценностей, многие сокровища советских музеев были проданы в Европу и Америку.

Аннулирование долгов, отключение России от мировой капиталистической системы не прошло мирно, западные страны спровоцировали польско-русскую войну, долго уязывали признание СССР с признанием внешнего долга и уже позже фактически вырастили и всячески натравливали А. Гитлера на нашу страну (5).

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Для прогнозирования и моделирования уровня политической стабильности в кратко- и среднесрочной перспективе эвристически оправданно опираться на уровень экспорта в качестве ключевого экономического параметра. Динамика экспорта является менее амбивалентным индикатором политической стабильности, чем показатели темпов экономического роста.

2. Из-за отчетливой взаимосвязи внешнеэкономических параметров страны с уровнем стабильности политического режима можно сделать вывод о высокой эффективности использования «экономического оружия» в международных отношениях. Эта эффективность тем более возрастает в связи с процессами глобализации и распространения «международных режимов». Обращают на себя внимание попытки США и стран ЕС всячески сократить объем экспортных поступлений Ирана. Очевидно, что целью этой политики является дестабилизация политической ситуации в стране.

Стабильность правящего режима в Белоруссии стала снижаться именно в период спада экспорта и соответствующего сокращения валютных резервов страны, приведшего к обесцениванию национальной валюты и росту общественного недовольства. В то же время ошибочным является абсолютизация этого «экономического оружия», достаточно вспомнить полувековую блокаду Кубы, принявшую иррационально-карательный характер, но не давшую серьезных политических результатов.

3. В истории России отчетливо прослеживается рассматриваемая корреляция, при этом на протяжении столетия важную роль в формировании предпосылок российских революций играли западные страны.

К сожалению, уроки истории выучены руководством страны недостаточно хорошо.

Несмотря на то что в текущий период внешнеэкономические параметры РФ являются стабильными, зависимость ситуации в стране от объема экспорта суще-

ственно выросла за последние десятилетия. Вступление в ВТО, деиндустриализация и «нефтяная игла», на которой сидит отечественная экономика, не способствуют долгосрочной стабильности. В этой связи обращает на себя внимание амбивалентная позиция российской правящей элиты.

Учитывая, что основу стабильности режима составляет объем экспорта, приходится отметить, что для поддержания устойчивого роста экспортных поступлений в долгосрочной перспективе делается явно недостаточно. В первую очередь, не предпринимается достаточных усилий для того, чтобы диверсифицировать экономику и тем самым снизить вероятность будущих внешнеэкономических рисков. Такая ситуация неизбежно приводит к мысли о сжатости горизонта планирования российской элиты, преобладании краткосрочных интересов над долгосрочными стратегиями и распространенности т.н. «синдрома временщика».

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Снижение мировых цен на нефть не могло и инициировать массовое протестное движение и дестабилизацию «снизу», т.к. «накануне „обрушения цен“ экспорт нефти и нефтепродуктов в долларовую зону принес СССР доход, равный 46 долл. на душу населения в год» [5. С. 38].
- (2) Можно отметить отрицательную эффективность использования данных кредитов. Л. Эрхард в свое время утверждал, что «каждый доллар, истраченный в Германии по плану Маршалла, дал возможность осуществить материальные и трудовые достижения от \$10 до \$20». Однако каждый доллар, заимствованный в перестроечно-реформенный период, имел прямо противоположный эффект: он вымывал из российской экономики и сокращал производство на 5—6 долл.
- (3) За четыре года войны Россия импортировала товаров на 7 млрд рублей, тогда как стоимость ее экспорта за этот период составляла всего 2,4 млрд рублей. Превышение ввоза над вывозом неизбежно повлекло увеличение внешнего государственного долга России.
- (4) В данной связи показательно признание британского премьер-министра Ллойд Джорджа: «Горькие упреки удивленных английским равнодушием русских офицеров, солдаты которых погибали вследствие недостатка снаряжения, справедливы... На каждое предложение о поставке вооружений в Россию французские и британские генералы отвечали и в 1914—1915 и в 1916 годах, что им нечего дать, и что если они дают что-либо России, то лишь в ущерб себе... Англия и Франция так легко могли спасти русских. Если бы мы послали в Россию половину снарядов, израсходованных попусту на Западном фронте, и одну пятую орудий, из которых стреляли этими снарядами, то не только не было бы русского поражения, но немцы были бы отброшены на расстояние, по сравнению с которым захват нескольких окровавленных километров во Франции казался бы насмешкой... Мы предоставили Россию ее собственной судьбе» (См.: [6]).
- (5) Как известно, планы новой европейской войны, в центре которой должно было находиться столкновение Германии и СССР, появились уже в начале 1920-х гг. Одним из идеологов этой войны был У. Черчилль со своим тезисом: «Пусть гунны убивают большевиков» [10. С. 180].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Витте С.Ю.* Воспоминания. — Т. 3. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.
- [2] *Галин В.В.* Интервенция и гражданская война (Серия: Тенденции). — М.: Алгоритм, 2004.

- [3] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. — Т. 1 // URL: <http://www.white-guard.ru/go.php?n=65&id=168>
- [4] *Ионичев Н.П.* Внешние экономические связи России. — Аспект-Пресс, 2001.
- [5] *Кара-Мурза С.Г.* Изъяны методологии: миф об экономическом кризисе в СССР // Социально-гуманитарные знания. — 2011. — № 1.
- [6] *Оскотский З.Г.* Меморандум ГАУ // Нева. — 2002. — № 7 // URL: <http://www.humanbullet.com/main3.htm>
- [7] *Перкинс Дж.* Исповедь экономического убийцы. — М.: Pretext, 2003.
- [8] *Саркисянц А.Г.* Проблемы возвращения финансовых активов России. Историческая ретроспектива // Бухгалтерия и банки. — 2002. — № 5 // URL: <http://bankir.ru/publikacii/s/dolgi-1378176>
- [9] *Сироткин В.Г.* Золото и недвижимость России за рубежом. — М., 1997.
- [10] *Уткин А.И.* Черчилль: победитель двух войн. — Смоленск: Русич, 1999.
- [11] *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914 г. — М.: Эксмо, 2003.
- [12] *Kaufman D., Kraay A. & Mastruzzi M.* Governance matters VII: Governance indicators for 1996—2007. World Bank Policy Research Working paper 4654. — 2008 // URL: <http://ssrn.com/abstract=1148386>
- [13] Soviet Economic Dependence on the West. An Intelligence Assessment. — 1982 // URL: www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?doc_no=0000497186

THE INFLUENCE OF DYNAMICS OF EXPORT ON THE LEVEL OF POLITICAL STABILITY (on example of Russia)

V.G. Ivanov

The Department of Comparative Politics
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

In the given article there are analyzed the mechanisms and patterns of the influence of dynamics of external economic parameters of a country on the level of stability of its political regime. The author supposes that the most valid economic indicator and predictor of instability is volume of exports. Export possesses so much socio-political importance not only because of its role as an “engine” of economy but also as a vital factor of external economic durability of a country. The analysis of the discovered regularity is carried out on the example of the three periods of modern Russian history, two of which resulted in revolutions: 1) the period of 1905—1917; 2) 1985—1991; 3) the modern period (1991—2012).

Key words: political stability, political regime, export, political history of Russia.